

С 1 июля 1933 г. по конец 1936 г. количество женщин, занятых в металлургии цветных металлов, возросло с 0,6 до 4,4 тыс., или в 7,3 раза¹¹¹⁹.

Девушки в годы второй пятилетки составляли значительную часть рабочих Урала. В 1934 г. удельный вес девушек до 23 лет, занятых в хозяйстве Свердловской области поднялся до 39%, а на 1 июля 1935 г. в промышленности Челябинской области — до 42,5%. Интересен анализ возраста и производственного стажа работниц. В цветной металлургии Урала средний возраст мужчин равнялся 28,7, женщин — 25,6 годам¹¹²⁰. В годы второй и третьей пятилеток удельный вес женского труда рос медленнее. В 1939 г. женщины составляли 33,8% всех занятых в народном хозяйстве Урала¹¹²¹.

Приведенные данные свидетельствуют о повышении доли женского труда. В годы второй пятилетки повысился удельный вес квалифицированного женского труда, тогда как в годы первой пятилетки женщина в основном заполняла кадры неквалифицированной, вспомогательной рабочей силы. Совершенствование производственной квалификации, повышение качества бытового обслуживания, работниц способствовало закреплению женских кадров в цветной промышленности Урала и дальнейшему росту их численности.

Конечно, вряд ли можно отрицать, что в ходе модернизации процесс вовлечения женщин в общественное производство был закономерным явлением. Однако многократное увеличение численности женщин — работниц в производстве не подкреплялось должной заботой об условиях их труда и быта, сопровождалось многочисленными нарушениями законодательства о женском труде. На стройках и предприятиях работницы не были обеспечены дошкольными учреждениями и охвачены сетью общественного питания.

«Великий перелом» в цветной металлургии Урала стал тяжелым физическим и моральным испытанием для тысяч советских женщин.

А. В. Просеков
Челябинск

27 ФЕВРАЛЯ 1917 г. В ПЕТРОГРАДЕ

Повседневная жизнь современного общества противоречива и динамична. Политические, экономические, социальные явления и процессы протекают с невероятной скоростью, часто порождая ощущение хаоса. Это ощущение заметно усиливается во время революции. Особенно ярко данный тезис подтвердили недавние события в Грузии, на Украине и в Киргизии. Исторический опыт России также дает очень интересный реальный материал для рассуждений на эту тему.

Мы рассмотрим проблему хаоса первых дней революции на примере произошедших 90 лет назад событий февраля 1917 г. Согласно положениям синергетики, под социальным хаосом понимается такое состояние неравновесной системы (общества), когда множество её элементов не связано между собой устойчивыми (повторяющимися) отношениями и вследствие этого обладает творческой силой (способностью) рождать новые отношения, новый порядок. Иначе говоря, хаос способен к самоорганизации.

Исходя из этого, целью нашей работы является выявление механизмов самоорганизации в ходе революционных событий начала 1917 г., связанных с

¹¹¹⁹ РГАСПИ. Ф.17. Оп.21. Д.5649. Л.5 об.; ОГАЧО. Ф.288. Оп.2. Д.5. Л.112.

¹¹²⁰ История народного хозяйства Урала: В 2 ч. Свердловск, 1988. Ч.1. С.110; Бобкова Р.А. Деятельность партийных организаций по вовлечению женщин в промышленность Урала в годы второй пятилетки // Борьба партийных организаций Урала за закрепление завоеваний Октябрьской революции и построение социализма. Свердловск, 1976. С.150; Уральский рабочий. 1933. 9 февраля.

¹¹²¹ Айрапетов В.Г. Трудовая и общественно-политическая активность рабочих Урала в предвоенные годы (1937 — июнь 1941 гг.) // Трудовая и общественная активность рабочего класса Урала в условиях социализма. 1937–1975 гг. Свердловск, 1982. С.5.

формированием и действиями толпы. Последняя рассматривается нами как сложная многоэлементная система, находившаяся в состоянии хаоса.

Свидетели событий февраля 1917 г., в основном, называют датой начала революции 27 число, когда войска петроградского гарнизона массово стали переходить на сторону бастовавшего населения столицы, а выражаемый людьми протест приобрёл бесконтрольный характер. Авторы ряда воспоминаний указывают на беспорядки, начавшиеся за несколько дней до фатального 27 февраля. Об этом пишут лидер кадетов Милюков П. Н.¹¹²², князь Мансуров С.П., председатель совета присяжных поверенных Петрограда Карабчевский Н. П., княгиня Палей О. В.¹¹²³ и др.

Революционное движение приобрело необратимый характер не сразу. Потребовалось, как минимум, четыре дня (23 – 26 февраля), для того чтобы правительственные войска под воздействием ряда факторов (принудительного переодевания их в полицейские шинели, шуток и смеха с «народом, этим добрым малым» и т. п.) окончательно перестали насильно умиротворять бастующих. 25-го числа отдельные взводы казаков, а 26-го – регулярные части петроградского гарнизона начали переход на сторону восставших «рабочих и черни». Но вплоть до самого кануна революции правительству, силой приказов войскам, удавалось восстанавливать порядок, а представителям светского общества – развлекаться по вечерам и оставаться неосведомлёнными о надвигающейся грозе. Иными словами, и для правительства, и для петроградского гарнизона, и для широкой публики масштаб произошедших на следующий день фатальных событий оказался неожиданным. Даже большинству на собрании представителей левых партий 26 февраля «казалось, что движение идёт на убыль и что правительство победило».

Так или иначе, по крайней мере, четыре дня беспорядки были локальны; толпы на улицах столицы формировались стихийно и бесцельно. У многих сохранялось впечатление, что движения масс были подконтрольны царскому правительству. Однако на фоне этих настроений происходил процесс постепенного, но неумолимого уменьшения устойчивости неравновесного состояния петроградского общества. В терминах синергетики, бифуркации предшествовал ряд флуктуаций.

27 февраля доведённые до голодного отчаяния петроградцы, образовав огромные толпы, потеряли всякий страх наказания за свои многочисленные, случайные, но серьёзные шалости. Наступило, по определению С.И. Шидловского, «состояние массового неравновесия, своего рода массовый психоз». Термин «хаос», как синоним отсутствия устойчивой общественной системы, по отношению к событиям революции, кроме Шидловского, в воспоминаниях употребляют Н. П. Карабчевский, В. М. Чернов и др.

На наш взгляд, главным условием хаотического состояния петроградского общества явилась позиция столичного гарнизона. По свидетельству С. И. Шидловского, основу войск составляли «запасные и ратники весьма почтенного возраста, проводившие время в праздности, весьма мало дисциплинированные и на организованные воинские части мало похожие. Некоторые из них с первого же момента слились с толпой, но не в виде воинских частей, а в виде отдельных людей с винтовками, так что хозяйничавшие в городе толпы представляли собой какую-то мешанину из солдат, рабочих и обычной городской черни, ничем, кроме проснувшихся инстинктов разрушения, не руководившихся». Подобную же оценку петроградскому гарнизону дают Н. П. Карабчевский, А. В. Пешехонов.

Данный отрывок воспоминаний Шидловского даёт представление о стихийном механизме формирования движения: рост толп происходил за счёт «слияния» с ними отдельных, часто вооружённых, людей. Причём массы находились в непрерывном движении (по выражению того же автора, «бродили по городу»), слияние происходило мимоходом, по пути. Есть сведения, что солдаты вышли на улицы после «посещения»

¹¹²² Страна гибнет сегодня. Воспоминания о февральской революции 1917 года. – М., 1991. С. 15.

¹¹²³ Там же, С. 101, 158, 185.

казарм толпой рабочих, убившей офицера. Но что заставляло отдельно взятого солдата или случайного встретившегося с движением прохожего пополнять общий поток? Возможно, именно «массовый психоз», «инстинкты разрушения», о которых говорилось выше, т. е. нечто, не поддающееся логическому объяснению. «Неизвестное, таинственное и иррациональное, корнящееся в скованном виде в народных глубинах, вдруг засверкало-шттыками, загрело выстрелами, загудело, заволновалось серыми толпами на улицах»¹¹²⁴.

Показательно, что толпы, т. е. неорганизованные многочисленные группы людей, не имевшие единого руководящего центра или признанного лидера, очень «успешно» вершили бесчинства. Причём многие действия носили характер случайного, спонтанно принятого множеством людей единогласного решения. Например, для освобождения заключённых из тюрьмы оказалось достаточно брошенного кем-то клича: «В Кресты!» При этом «часть толпы, покончив с Арсеналом, начала громить Окружной суд, большинство же с криком: «в Кресты» направилось по Александровскому мосту». Масса людей самопроизвольно разделилась, и, видимо, не под воздействием мифических в данном случае политических ориентиров или лозунгов определённых партий.

Слухи, догадки и легенды, судя по воспоминаниям свидетелей событий, в начальный период революции являлись одним из наиболее важных источников информации. По мнению Н. П. Карабчевского, «легенда о пулемётах на чердаках домов сыграла вообще немалую роль». Кстати, одним из первых зданий, подвергшихся нападению толпы, стал Арсенал (об этом пишут Милкоков, Мансырев и др.). Вооружёнными оказались не только солдаты и казаки, но и простые обыватели: рабочие, так называемая чернь, а впоследствии, скорее всего, и выпущенные заключённые. Большинство выстрелов производились беспричинно и в воздух. Вооружившись, люди осмелели окончательно.

По выражению Шидловского, «толпа начинала всё более и более хозяйничать и бороться с воображаемым противником». Как по чьему-то тотальному приказу, здания многих правительственных учреждений известного назначения: Окружного суда, Охранного отделения, департамента полиции. «Полицейские дома и участки брали приступом и сжигали». «Горело здание судебных установлений, сжигались судебный и прокурорский архивы». Были взяты штурмом Дом предварительного заключения, Литовский замок, Петропавловская крепость. Пострадали и частные дома и квартиры. Сожжён был дом министра двора графа с немецкой фамилией «Фредерикс». К Карабчевскому пришли «брать автомобиль». По его мнению, причиной таких налётов стали «рассказы относительно пулемётов», которые «давали отличный повод обстрелять любой дом и забраться в него с самыми разнообразными целями и намерениями».

Данное свидетельство говорит о влиянии слухов на общую ситуацию, об их реальном воздействии на систему, находящуюся в состоянии хаоса. Это обстоятельство может навести на мысль, что слухи могли стать действенным инструментом в руках каких-либо политических сил, заранее делавших попытки повлиять на движение масс. Подобного мнения придерживаются княгиня О. В. Палей и менее тенденциозный и субъективный в данном случае присяжный поверенный Н. П. Карабчевский. Разжечь ненависть к царскому правительству, применяющему пулемёты против собственного народа, настроить армию против власти распространением слухов о сепаратном мире с Германией было выгодно всем политическим силам левее монархистов. Однако слухи повлекли за собой неожиданные и, в принципе, непредсказуемые последствия. Какой политической силе, даже революционного лагеря, выгодна неподконтрольная, вершащая грабежи и убийства в поисках пулемётов куча вооружённых солдат, условно называвшаяся армией? Версия о большевиках-«пораженцах» не получила подтверждения в исследованных нами источниках. Их крупные лидеры, такие как Л. Д. Троцкий и В. И. Ленин, в феврале 1917 г. отсутствовали в столице.

¹¹²⁴ Там же, с. 239.

Ещё одним спонтанным действием толпы были аресты и убийства. Первыми жертвами упрощённого правосудия ещё 26 февраля стали офицеры. 27 числа по приговору самоорганизовавшегося суда народного лишлись свободы многие царские чиновники (Трепов, Щегловитов, Расв). Последний министр внутренних дел царского правительства А. Д. Протопопов 28 февраля счёл более безопасным сдать самому. Печальной была судьба полицейских и городских: они зачастую лишались жизни на месте. С. П. Мансыреву довелось, вместе с членами финансовой комиссии Госдумы, войти в состав наспех и случайно созданной в Таврическом дворце «судебной комиссии», решавшей судьбу приводимых толпой арестованных.

Вот как он описывает судебный процесс: «Бестолочь невообразимая: солдаты и рабочие, походя хватают на улицах того или другого за какое-нибудь слово, а иногда и просто по виду – если не понравится. Солдатам, приводящим арестованных, говорились комплименты и непременно увещания – трудиться для «закрепления революции». Таким образом, самопроизвольные и бесконтрольные аресты, начавшиеся, как минимум, 26 февраля, объективно поощрялись, но вот точных указаний, кого именно арестовывать, не давалось.

В тоже время, происходило ещё одно спонтанное, но уже имевшее вполне определённый вектор, массовое действие. По сведениям ряда авторов воспоминаний (Мансырева, Шидловского и др.), началось движение толп к Таврическому дворцу, в котором располагалась Государственная дума (официально, кстати, распущенная). Милоков свидетельствует, что само «помещение Таврического дворца вообще после полудня было уже занято солдатами, рабочими и случайной публикой». К толпе выходили произносить речи члены Думы. По выражению Н. П. Карабчевского, «только ленивый не говорил тогда перед Думой, и всех «одобряли» одинаково». Аплодисменты и крики «ура» раздавались по всей площади, захватывая и тех, кто в силу своего удалённого от ораторов положения просто не мог их слышать. Очевидно, не либерально-демократические убеждения руководили в данном случае толпой.

Почему люди шли к помещению Государственной думы? Военские части, сохранившие порядок, выражали свою политическую солидарность с Думой, передавая себя в её распоряжение в пику царскому правительству, потерявшему власть. «У Таврического дворца, где собралась Государственная дума, войска, переходившие на сторону Думы, образовали компактную охрану и явились ядром, бесповоротно решившим судьбу России». Из неорганизованной толпы солдат, рабочих и прочей случайной публики слышались утверждения, «что им не нужно таких, как Милоков, а вот только что говорившие перед толпой ораторы – их вожди». А горничная Н. П. Карабчевского «вечно бегала к Думе и приносила в буфетную новости». Исходя из приведённых цитат, пожалуй, единым стремлением всех пришедших к Таврическому дворцу стал поиск информации о происходящем, новостей, определённости, которая могла наступить, если бы у движения появился единый политический лидер, способный осуществлять власть. Но единого лидера не оказалось...

Таким образом, стихийные четырехдневные волнения петроградских обывателей вылились в социальный взрыв 27 февраля. Флуктуации уменьшили до минимума устойчивость неравновесного состояния столичного общества и спровоцировали бифуркацию и, соответственно, хаос, наступивший внезапно для большинства жителей столицы. Одним из главных условий разрастания социального хаоса стал массовый переход регулярных воинских частей на сторону восставших. Толпы людей, заполнившие улицы Петрограда, явились результатом и одновременно источником самоорганизации. Их рост, действия носили случайный характер спонтанно принятого целой хаотической структурой решения. Основными стихийными и массовыми действиями стали: тотальное вооружение, выпуск заключённых из мест их содержания, разрушения ряда общественных и частных учреждений, беспорядочные и необоснованные аресты. Венцом наступившего хаоса стало направленное движение огромных масс людей к зданию

Государственной думы в поисках информации о происходящем и политического лидера, способного взять власть в свои руки.

Одним из механизмов объективного воздействия на социум в состоянии хаоса, на наш взгляд, явились слухи. Исследованные нами источники не указывают на конкретную политическую силу, которая в целях выгоды могла стать их источником.

А.С.Смыкалин
Екатеринбург

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ СИСТЕМА УРАЛА (1917 – 1940 гг.)

Становление и упрочение Советской социалистической системы с первых дней ее существования было связано с комплексом насильственных, репрессивных мер, направленных на различные слои населения. Пенитенциарная система на Урале не имела особых отличий от пенитенциарной системы всей Советской России, хотя, естественно, что в работе каждого региона, можно было найти свою специфику.

Карательный отдел, а именно он отвечал за проведение исправительно-трудовой и карательной политики, был создан при Екатеринбургском губернском Отделе юстиции 5 сентября 1919 года. В его состав вошли: Заведующий отделом, его помощник, секретарь, помощник секретаря, канцеляристка, машинистка и курьер.¹¹²⁵

Тяжелое социально-экономическое положение Советской республики поставило на повестку дня вопрос о сокращении уже существовавшего пенитенциарного аппарата. В связи с этим, вновь созданным Карательным Отделом было командировано для обследования тюрем «опытное» лицо, посредством которого было выяснено Екатеринбургской губернии существовало семь тюрем старого типа, находящихся в Екатеринбургe, Шадринске, Камышловe, Ирбите, Верхотурье, Красноуфимске и Нижне-Турунском заводе Верхотурского уезда.

Карательный Отдел, стремясь к проведению в жизнь Циркуляра от 15 июля 1918 года №27 (ведомственный акт, предшествовавший принятой 23 июля 1918 года Временной инструкции «О лишении свободы как мере наказания и о порядке отбывания такового») сперва нашел возможным ликвидировать две тюрьмы: в Камышловe, в Верхотурье. Затем была ликвидирована тюрьма в Ирбите. Это было сделано «ввиду того, что в этих местах заключения содержалось незначительное число заключенных, и они расположены в недалеком расстоянии от г. Екатеринбургa»¹¹²⁶.

Все срочно заключенные из закрытых тюрем были переведены в г.Екатеринбург и на Нижне-Турунский завод. Следственные и краткосрочные (до трех месяцев лишения свободы) содержались, взамен закрытых тюрем, в Домах Предварительного Заключения (ДПЗ). Тюрьмы же были переименованы в Исправительно-Рабочие Дома (ИРД).

Красноуфимский и Шадринский Исправительные Дома также были закрыты, соответственно 1 и 15 декабря 1918 г., «как дорого стоющие, помещения которых не приспособлены для мастерских, не имеющие для обработки земли». Подобные Исправдома считались не пригодными с воспитательно-трудовой точки зрения, считались экономически не выгодными. Таким образом, в ведении Карательного Отдела осталось два исправдома: Екатеринбургский и Нижне-Турунский

С вступлением советских войск в г. Екатеринбург и прилегающие к нему местности во всех принудительных учреждениях, а также тюрьмах «остались лишь одни голые стены, все было разрушено, увезено, связи с центром не было, и приходилось работать на ощупь, не имея под руками инструкций». Связь с местами заключения налаживалась с трудом. Также были проблемы с наличием опытных работников «в организации мест

¹¹²⁵ ГАСО (Государственный архив Свердловской области) Ф-Р-8;оп-1., ед.хр.10, л.41., «Екатеринбургское Губернское Управление мест заключения.

¹¹²⁶ Там же